

Укачина К.Е.

(г. Горно-Алтайск, Россия)

Загадка, как одно из значимых художественных средств в алтайских сказках, легендах и героических сказаниях

Жанры алтайского фольклора тесно взаимосвязаны. Загадки, пословицы, поговорки, песни очень емко и образно дополняют тексты сказок, легенд, героических сказаний алтайского народа. В этой статье мы попытались обратить внимание на значимую роль загадки в развитии и обогащении сюжета алтайской сказки, легенды и героических сказаний, как на основе уже изученных, так и на основе новых фольклорных материалов.

Как известно, возникновение загадок ученые связывают с верованиями первобытных людей, которые одухотворяли живую и неживую природу. Они в определенных случаях говорили о зверях и других явлениях природы иносказательно, давая им абсолютно другие имена, т. е. подвергали эвфемизации, тем самым полагая, что вводят в заблуждение злых духов и отвращают от себя различные беды и несчастья.

Одним из основоположников теории о происхождении табу является английский ученый Джеймс Фрэйзер. Он считает табу одним из принципов магии. По его мнению — это система представлений и действий первобытного человека, основанная на убежденности его в своей способности заставить силы, управляющие миром, поступать по его воле. Совокупность тех действий, которые должны совершаться для достижения магическим путем той или иной цели, Дж. Фрэйзер называет колдовством или чародейством, а те действия, от которых древний человек считает необходимым воздержаться, во избежание вредных результатов — табу, т. е. запретами (Фрэйзер Дж., 1986, с. 45).

Табу — явление многообразное, оно обусловлено у разных народов особенностями социальных предпосылок. Из всего многообразия табу-запретов большую подгруппу составляют языковые запреты на: 1) имена людей; 2) названия животных, растений; 3) названия больших болезней (эпидемии и эпизоотии); 4) имена естественных природных явлений, предметов и т. п.

Российский ученый-фольклорист и этнограф Д. К. Зеленин в специальной работе осветил вопросы словесных, охотничьих и бытовых запретов. Например, он писал: «Давно уже известно, что слово представляется первобытному человеку чем-то материальным, вещественным... Если слово произносят шепотом, то коми сравнивают слово со стрелой, якутское представление несколько иное: «сказанное слово превращается в вещь птицу» (Зеленин Д.К., 1930, с. 8-9).

У алтайцев действие слова зависит от местонахождения: если в лесу, то слово пойдет по верхушкам деревьев, если в степи, то земля донесет (земля имеет уши).

Словесный запрет у алтайцев сохранился пережиточно в виде «бай сӧс», т. е. употребление одних слов вместо других.

Этот пережиток в формах общения между родственниками сохранился до наших дней, как один из разновидностей запрета. Среди женщин старшего поколения невестка не может не только называть свекра по имени, но даже произносить его имя и называть предметы, по названию напоминающие имя свекра (Яимова Н.А., 1990, с. 41).

Факты свидетельствуют, например, что женщина, вышедшая замуж за мужчину из соока (рода) «тодош», не имела права произносить название, скажем, растения «кандык», «кандык ай» — месяц апрель, если собственное имя ее деверя было созвучно названию этого растения или месяца апреля, т. е. звучало также — Кандык. Эти названия она могла произносить только иносказательно или условно, например — «кадышкын» (корень солодки).

До сих пор у алтайцев бытует легенда о «Неразговорчивой невесте». Она называла

реку — текущей, дерево — всходящим, волка — воющим, овцу — блеющей: Агаачынын ол жанында, чыгаачынын тӧзинде улуучы мараачынын балазын жип туру ' по ту сторону текущего (реки), у основания всходящего(дерева) воющий(волк) ест ребенка блеющей (овцы) ' (Самойлович А.Н., 1929, с. 29). Такая же легенда была известна у казахов, киргизов, где женщина также рассказывает о событиях, заменяя многие названия подставными словами, поскольку эти названия были запретными, они входили в состав имен родственников мужа (Колесницкая И.М., 1941, с.121).

Можно привести целый ряд примеров, касающихся женского и охотничье-промыслового лексиконов, которые подвергались эвфемизации и вызвали появление многих загадок о них. Вместо «шӱлӱзин» (рысь) — «чокондой» (собирающий), «чоокыр ан», «јеерен» (пестрый зверь, рыжий). Загадка о рыси звучит так: «Арказы ала чоокыр, ортозы ӧлӧ чоокыр» — Спина пестра черными точками, середина пестра продолговатыми линиями. «Тийин» (белка) называется «чырбык» (волосатый). Например, загадка: «Тӧрбӧт— тӧртӱ, чырбык — жаныс (а т т ы н тӧрт с а н ы, к у й р у г ы) — Четыре тӧрбӧта¹, один чырбык (четыре ноги и хвост лошади). «Жылан» (змея) заменяется словами «узун курт», «курт-коныс» (длинный червь или червь-жук), «камчы» (плеть), «жеткер» (зло), «кайыш» (сыромятный ремень), загадка про змею: «Кырда ӱстӱ кайыш жадыры» — На скале лежит жиром смазанный ремень и т. д.

В период охоты называют условными именами не только зверей, но и предметы, связанные с охотой, чаще всего описательно. Например, «мылтык» (ружье) иносказательно называли «кӧндӧй темир» (полное железо), малта (топор) — «керткиш» (рубящий), «бычак» (нож) — «кескиш» (режущий) и т. д. Условное имя диких зверей: бӧрӱ» (волк) — «узун куйрук» (длиннохвостый), «коокой» (опасный), в сказках волка именуют «кӧк тайгыл» (синей собакой).

«Тайным» языком чаще всего пользовались охотники в обращениях к хозяину гор и тайги. При этом они осуществляли различные обряды: окропляли молоком, черным чаем и пр. гору, реку или просто лес и обращались с благопожеланиями к хозяевам гор, тайги, реки и т. д. или к самому всевышнему, просили удачи в охоте, рыбалке и других промыслах. К их желаниям и требованиям охотники относились весьма предусмотрительно. Горный хозяин любит покой и не выносит в тайге шума, крика, ругани и песен. Если случится, что кто-то нарушит покой духов гор, то охота, обычно, заканчивается неудачно. Поэтому своеобразной страховкой от неудачи, от невезения на охоте у алтайцев, как отмечает Л. П. Потапов, существует: «обычай — рассказывания сказок на промысле, имеющий целью повлиять благотворно на «ээзи» и в результате способствовать добыче. «Ээзи» очень любит слушать сказки» (Потапов Л.П., 1929, с. 125).

Обычай рассказывать сказки и сказания перед охотой существовали у многих народностей Сибири: шорцев, тувинцев, хакасов, нанайцев и др. У барабинских татар перед охотой принято коллективно загадывать и отгадывать загадки (Махмутов Х.Ш., 1969, с.16).

Приведенные эвфемизмы в «табу-запретах» и параллельные им загадки, на наш взгляд, являются остатками или осколками древней тайной речи, с которой, безусловно, связано происхождение народных загадок.

Основной функцией иносказаний было и остается обучение догадливости и быстрой сообразительности. Например, в сказке «Еленгир» (Укачина К.Е., 1984, с.15) отец во время охоты решил научить сына условной речи таежников, необходимой ему в будущем. Вот его иносказательная речь: «Зажги на гриве коня огонь!» — Это означало — кресалом добыть огонь и зажечь трубку отца; «Укоротить дорогу!» — значило пришпорить коня или спеть хорошую песню; «Гривой коня разожги костер!» — то есть заранее заготовленным сухим кустарником быстро развести огонь; «В деревянном котле приготовить еду!» — означало нанизать на заостренную палку печень косули или мясо для шашлыка.

Так же испытывает старик-отец сына в сказке «Шалтыр-Казан», но здесь значение зажечь и прикурить трубку он произносит как: «С голову коня свари казан!» (Алтайские народные сказки, 2002, с. 349).

Эти загадки-иносказания свидетельствуют о месте и условиях их зарождения, т.е. они

---

1 Тӧрбӧт – родовое название или имя.

могли появиться лишь в долгом пути охотников, во время ночных бдений у костра, что в основе их лежит «тайная речь» – иносказание.

Учеными отмечено так же, что загадки в древности несли и обрядовую функцию. Они входили, например, в обряд инициации: загадками проверяли – достиг ли человек нужной зрелости ума, достаточно ли он догадлив и мудр (Чичеров В.И., 1959, с. 322).

Особо важными считались загадки в свадебном обряде и при наречении именами новорожденных (Жанузаков Т., 1968, с. 174).

Часто именно функциональное назначение иносказания рождало загадку. Например, к одним из источников происхождения загадок относят свадебный обряд.

Еще задолго до сватовства родители пытаются найти: для сына – хорошую и мудрую жену, для дочери – догадливого и умного мужа. Это нашло отражение в алтайских сказках, таких как «Шалтыр-Казан» о которой мы уже упоминали выше. Здесь старик-отец ищет для сына подходящую невесту. Зайдя в один из домов, где живут бедняки, он спрашивает девушку:

- Куда ушел отец?
- Отец ушел за ненасыщающим.
- Мать куда ушла?
- Она ушла за кончающимся.

Старик не понял. Но тут, когда возвратилась хозяйка аила и принесла дрова, старик сообразил, что дров никогда не бывает в достатке. А когда зашел отец девушки с мешком хлеба, которым действительно никогда не насытится, старик, окончательно убедившись в мудрости девушки, сватает ее своему сыну (Алтайские народные сказки, 2002, с. 351).

В другой сказке «Загадка свата» в записи В.В. Радлова, наоборот отец невесты испытывает семью жениха и задает следующие загадки:

- Приходи в шубе и ни в шубе! — тогда отдам дочь.

Сын разрешает загадку: утром сшил отцу одежду из сети. Отец надел шубу-сеть и пришел к отцу девушки. Сват задает ему следующие загадки:

- Приходи ни дорогой, ни без дороги! Ни на лошади, ни пешком! — тогда отдам дочь.

Отец опять же получает ответы от сына на эти загадки:

- Не выходи из дороги, не иди по дороге — значит: идти между колеями дороги. Ни на лошади, ни пешком — значит: садиться верхом на палку, как на лошадь (Радлов В.В., 2006, с. 58—59).

Здесь загадки составляют сюжетную основу сказки, в то же время служат «трудной задачей» для испытания не только отца, но жениха и невесты, то есть играют роль «испытания мудрости» или «трудного задания». По этому поводу В. Я. Пропп отмечал, что фольклорный материал дает право на утверждение, «...что здесь и кроются корни «трудных задач» (Пропп В.Я., 1976, с. 167).

Следует отметить, что употребление табу-запретов, условной речи и эвфемизмов самым непосредственным образом способствовали развитию языка и культуры речи, т. е. расширяли его выразительные возможности, которые, в свою очередь, создавали условия для рождения новых загадок. Подставные слова, которые используются при табу и условной тайной речи людей — это уже готовые метафорические образы, образы-клише будущих загадок.

Образы-клише можно встретить в загадках, скажем, о лошадях. Как известно, у них и у маралов нет желчного пузыря. Это обстоятельство служит основой ряда загадок об этих животных. Желчный пузырь уподоблен в загадках кисету, огниву, кремню и т. д.: «Якшы уулда калта (отык) жок» — У хорошего парня нет кисета (огнива).

Среди множества алтайских загадок встречаются такие, которые непосредственно

выделялись из сказок: «Јүрекче айылдан јүлүнче ыш чыгат» — (канзанын ыжы) — Из юрты, величиной с сердечко, тянется тоненький дымок, как мозг спинного хребта (дым курительной трубки) (Укачина К.Е., 1984, с. 19).

Загадки в алтайских народных сказках служат средством сюжетообразования и «трудной задачи», которую следует отгадать, расшифровать, проявив тем самым свою наблюдательность, остроумие и смекалку. Иногда от умения разгадывать иносказательно-загадочную речь противника зависела жизнь героя.

Например, это можно проследить в сказке «Ерен-Чэчэн и Яра-Чэчэн», записанной известным этнографом и фольклористом Г. Н. Потаниным у М. В. Чевалкова. В сюжет этой сказки входят много загадок, которые разрешает умная сноха Ерен-Чэчэна.

«Бай, призвав Ерен-Чэчэна, велел ему сделать сапоги из камня. «Иначе, — сказал он, — казню». Ерен-Чэчэн, опечаленный, придя домой, рассказывает об этом снохе. Она ответила: «Не печалься, сиди дома». Сама же на другой день в назначенное время вышла на дорогу. Яра-Чэчэн едет за каменными сапогами и видит сноху Ерен-Чэчэна. Она сидит у дороги и собирает песок в кучу. Яра-Чэчэн, подъехав, спрашивает ее, зачем она это делает.

— Ерен-Чэчэн велел свить веревку, — отвечает она.

— Разве веревку можно свить из песка? — возразил Яра-Чэчэн.

— А разве можно сапоги сшить из камня?

Яра-Чэчэн покраснел и вернулся домой.

Потом бай дает слуге быка и говорит: «Уведи его к себе, я приеду к тебе через три дня, чтобы к моему приезду бык принес теленка, и ты угостил бы меня молоком от быка». Ерен-Чэчэн идет домой и плачет. «О чем ты плачешь?» — спрашивает сноха. «Яра-Чэчэн мне дал быка и велел, чтобы этот бык принес теленка». «О чем тут плакать, — говорит сноха. — Отдай быка в мои руки, принесет он теленка». Сноха вышла на дорогу, по которой должен ехать Яра-Чэчэн, рвет траву и складывает в кучу. Яра-Чэчэн увидев рвущую траву женщину, спрашивает: «Почему рвешь траву и складываешь в кучу?» Она ему в ответ: «Свекор родит ребёнка, так надо травы подостлать». Он ей: «Разве мужчина может родить?» Она: «А разве бык может телиться?» Яра-Чэчэн со стыдом воротился домой. Третья загадка бая, подобная той, которую приводил В. В. Радлов в сказке «Загадка свата», приводится выше. И эту загадку сноха легко разрешила. Но хотя все загадки были разгаданы правильно, Яра-Чэчэн велел вырыть яму и бросить в нее Ерен-Чэчэна, а к его сыну послал семь послов.

Ерен-Чэчэн пишет домой письмо и отправляет с послами: «Лежу на шести слоях белого шелка, покрываюсь семью шелковыми одеялами, играю в шашки, пью сладкое светлое вино. Дома у меня есть семь баранов, шесть убейте, седьмому выколите глаза, изломайте руки и пришлите сюда. Это письмо разберет сноха». Письмо перехватил Яра-Чэчэн, но ничего не понял. Семь послов принесли письмо сыну Ерен-Чэчэна. Он прочел и сказал: «Моему отцу хорошо живется у Яра-Чэчэна». Сноха ему на это: «Ничего не понял: сладкое вино — это слезы, белый шелк — снег, шашки — звезды. Семь баранов — семь послов. Ерен-Чэчэн велит шесть послов убить, седьмому выколоть глаза». Сын Ерен-Чэчэна так и сделал. Затем сноха собрала своих людей и велела окривевшему послу вести себя к Яра-Чэчэну. Ночью её люди незаметно окружили Яра-Чэчэна и убили его, а Ерен-Чэчэн вместо него сделался начальником» (Потанин Г.Н., 2005, с. 362—363).

Еще более сложную изобразительную функцию выполняют загадки в сказке «Богатые и бедные сваты». В ней богач, решив закобалить бедного старика и его дочь, пытается загадать ему трудные загадки. Но, разгадав их, дочь старика спасла не только отца от смерти, но и самого бая заставила стать слугой (ФМ. Папка № 54(д)).

Так же примером иносказательной речи может служить сказка «Как три кюлюка слова испугались». Когда у старика и старухи родился сын, старик, радуясь, зашел к трем Кер-Сагалам. Они в то время друг другу сказку рассказывали. Когда старик вошел, они стали бить старика, говоря: «Ты наступил на хвост нашей сказки.» Кер-Сагалы спрашивали:

- Что дашь, если не будем бить?

- Что попросите, то и дам, - ответил старик.

- Отдай нам только что родившегося сына.

Старик согласился. А по прошествии пяти-шести лет, старший Кер-Сагал пришел забрать ребенка. Войдя в аил старика, он спросил сидящего там мальчика:

- Где твои отец и мать?

Мальчик ответил:

- Ушли, чтобы из рогов ящерицы сделать керик (нож).

Старший Кер-Сагал спросил:

Разве ваша ящерица имеет рога? Если она рогатая, то для чего нужен керик?

Мальчик сказал:

- Ну, как у людей сказки хвосты имеют, так наша ящерица рога имеет. Сегодня к нам должен прийти старший Кер-Сагал, чтобы распороть его брюхо, керик нужен.

Старший Кер-Сагал испугался и поскорее убежал домой.

Вскоре наведалься средний Кер-Сагал и войдя в аил спросил у мальчика:

- Где твои отец-мать?

- Ушли, чтобы сделать рукоятку для топора из рогов лягушки, - ответил он.

- Разве ваша лягушка имеет рога? Если она рогатая, то для чего понадобилась рукоятка для топора?

- Ну, как у людей сказки хвостатые, так и наша лягушка рогатая. Сегодня должен прийти средний Кер-Сагал, чтобы отрезать ему голову, понадобилась рукоятка для топора, - ответил мальчик.

Средний Кер-Сагал услышав такие речи также испугался и придя домой сказал:

- И вправду страшный ребенок, оказывается.

Услышав это, младший Кер-Сагал засмеялся:

- Ы-ы! Испугались маленького ребенка и сидите, как вам не стыдно. Дайте-ка, я схожу и приведу его...

Войдя в аил старика, он спросил ребенка:

- Где твои отец и мать?

- Ушли, чтобы сделать рукоятку для пики из змеиных рогов, - ответил мальчик.

Младший Кер-Сагал спросил:

- Разве ваша змея рогатая? Если она рогатая, то для чего делают рукоятку для пики?

Мальчик ответил:

- Ну, как у людей сказки бывают хвостатые, так и наша змея рогатая. Сегодня к нам должен прийти младший Кер-Сагал. Чтобы проткнуть ему живот, для пики понадобилась рукоятка.

Младший Кер-Сагал услышав такие речи, испугался и убежал (Алтайские народные сказки, 2002, с. 355-359). Так мальчик своей мудростью победил трех кляуков.

В алтайском фольклоре примером иносказания в дипломатической речи может служить легенда о «Шуну-богатыре». В этой легенде фигурируют исторические персонажи 17-18 веков периода Джунгарского ханства: хан Цеван-Рабдан с титулом Контайши и его два сына от разных жен – Галдан-Церен и Лоузан-Шуну. В записи В.И. Вербицкого отец-хан назван как Конгдайч, а сыновья его именуются, как Калдан и Шюны. Хан Контайши более других сыновей любил сына по имени Галдан. У Шуну была любимая наложница Карагыс. В нее влюбился Галдан и отнял ее. Оскорбленный Шуну пригласил двенадцать верных

помощников и отправился «разгуляться по хребтам священного Алтая». Отъехав далеко от своей юрты, Шуну поведал друзьям свое горе, при этом натянул лук и в виде насмешки и бесчестия пустил стрелу в юрту брата. Стрела вонзилась в дверь. Конечно, тот узнал, кому принадлежит стрела, и пожаловался отцу.

Рассерженный Контайши призвал к себе Шуну, приказал вырезать из его тела лопаточные кости, вместо них вставить собачьи лопатки и засадить в подземелье.

Никто не знал, куда пропал любимец народа, только один старик, слуга хана, знал, в чем дело. Он сделал от своей юрты подкоп к темнице и в продолжение семи лет кормил узника.

Контайши был славен и могуч, ему покорялись многие соседние ханы. Один из них — Кара-Калмык — узнав, что не стало мудрого Шуну, присылает к великому хану двух очень похожих птиц, из которых одна была сорока, другая ворона, искусным камланием превращенная в сороку.

Контайши должен был отличить одну птицу от другой. А условие было такое: если хан правильно угадает птиц, то Кара-Калмык будет ему платить дань по-прежнему, а если нет — перестанет. Контайши запечалился. Приходит ему на помощь старик-слуга. Принеся пищу Шуну, он рассказал ему о горе отца.

— Велика ли эта мудрость, — сказал ему Шуну, — чтобы отличить сороку от вороны. Ты посоветуй отцу: пусть поставит шест, а близ него навес. И когда настанет ненастное время, выпустит обеих птиц. Сорока полетит под навес, а ворона сядет на шест и закаркает.

Загадка была разгадана и Кара-Калмык остается данником Контайши.

В другой раз Кара-Калмык, прислал Контайши куст таволожника для различения корня от вершины. Снова Шуну разрешил эту, казалось бы, внешне простую задачу. Он рекомендовал отцу опустить куст в воду, зная, что он вершиною пойдет вверх, а комлем вниз.

В других фольклорных источниках говорится, что послы привезли с собой отрезанную палку, с таким же заданием – угадать, где толстый конец, а где тонкий. Шуну-богатырь посоветовал отцу опустить палку в воду – тогда толстый конец палки обязательно потянет вниз, а тонкий — наоборот, поднимется кверху (Садалова Т.М., 2006, с. 41).

Но и на этом «дипломатический разговор» не прекращается. Кара-Калмык присылает железный лук, чтобы Контайши натянул его. Условие спора остается прежним.

Никто не мог натянуть железный лук.

Тогда вытащили несчастного богатыря Шуну из подземелья. Он оброс мхом, плечи внешне зажили, только не мог он взглянуть на белый свет... Отец приказал вымыть его верблюжьим молоком, поставить на место богатырские плечи и нарядить. Медленно в тело Шуну входила сила и жизнь. Народ с нетерпением ждал возвращения богатыря.

— Неси, родитель, лук, — сказал Шуну. Тридцать человек кое-как притащили ему лук. Он заложил тетиву мизинцем, и лук легко согнулся. (Вербицкий В.И., 1993, с.143-144).

Короче говоря, победа остается за Контайши, а Кара-Калмык остался данником.

Загадки, составляющие сюжет этих сказок и легенды о Шуну-богатыре играли важную практическую роль: от правильного их решения зависела жизнь героев или целого племени. В данных сказках умная сноха и мудрая дочь, разгадав трудные загадки бая, спасают: первая — свекра, вторая — отца от смерти. Маленький мальчик умными ответами побеждает трех Кер-Сагалов, а в исторической легенде Шуну-богатырь разгадав три загадки, разрешил тем самым «дипломатическую проблему», и данник Кара-Калмык убедился, что пока жив этот богатырь — находится ему в зависимости от Контайши.

Использование загадок-иносказаний в качестве сюжетной основы композиционных элементов создает в сказках, легендах и героическом эпосе острые социальные конфликты. Как об этом заметила Ф. А. Алиева в своей работе «Социально-бытовая сказка народов Дагестана»: «Язык иносказания — упражнял и развивал ум, порождая догадливость,

сообразительность, которые в процессе общественного развития приобрели практический смысл» (Алиева Ф.А., 1981, с. 6).

Иногда в самих загадках варьируются имена, образы и определения, которые употребляются постоянно в народных сказках и героических сказаниях, например, Көгүтей, Ай-Каан, Эрлик-бий, Кан-кереде:

Желип, желип,
Јети туунын белтиринде
Кан-кереде төрөди.
/Көрүк/

Промчалась, промчалась
Птица Кан-кереде и
На стыке семи гор снесла яйцо.
/Кузнечные меха/

В некоторых алтайских загадках предметы напоминают действующих лиц сказки: пуля уподобляется серому волку, лежащему в логове или синей мышке; кедровая шишка — синему быку со ста почками; язык — огненно-рыжему коню; солнце — рыжей лисице и т. д. Все это поэтично, близко к быту и мировосприятию таежников-алтайцев.

Вот загадка, слова которой очень часто мы встречаем почти в любом героическом сказании при описании богатырского коня:

Болот туйгакту болор,
Кулја тумчукту болор,
Кайчы кулакту болор,
Канат јүректү болор [Кем ол?]
/Баатырдын Ады/

Со стальными копытами,
С носом, похожим на кульдя,
С ушами наподобие ножниц,
С сердцем, как крылья, кто он?
/Богатырский конь/
(Укачина К.Е., 1984, с.41).

Загадки также имеют тесную связь с эпическими произведениями. Например, в сказании «Ескюс-Уул» главные персонажи ведут речь загадочными выражениями. Караты-каан (хан Караты) узнав, что бедный рыбак Ескюс-Уул женился на красавице Алтын-Кюскю и что у него теперь вместо покрытого травой шалаша золотой дворец, сгорая от алчности, решил убедиться в этом. Тут-то и происходит «состязание загадкой»:

Кара јорго кайран адым
Саныскан агы учуп јетпес
Сары чөлдди өдөрдө,
Канча тееп келгенин
Билерин бе, [Јаражай]? — деп өчөди.

Через желтые пустыни,
Куда белая сорока не долетит,
Рысью скачущий мой вороной
Сколько следов оставил в пути,
Можешь ли подсчитать, красавица? —

ехидно кричит Караты-каан, подъезжая к золотому дворцу Алтын-Кюскю и Ескюс-Уула. Не тут-то было. Алтын-Кюскю не так-то легко провести. Она быстро берет свою «шестигранную иголку» и начинает вышивать «девятиугольный каменный ковер», задавая злому хану ответный вопрос-загадку:

— Алтын эжиктин јанынан
Төр бажына слер келгенче,
Тогус кырлу таш кебистен
Алты кырлу ийнеди
Ары-бери канча катап
Өткүре тарткам,
Оны билип болороор бо, [Каан]?

Пока вы от золотой двери
До верхнего почетного угла дошли,
Сколько раз я туда-сюда
Втыкала шестигранной иголкой
В девятиугольный каменный ковер,
Можете ли сказать, хан?

/Подстрочный перевод наш — К. У./
(Алтай баатырлар, 1980, с. 48).

Караты-каан не мог дать ответ на загадку Алтын-Кюскю, тем самым, признав неразрешимость и своего коварного вопроса.

Почти такое же словесное состязание мы находим в упомянутой нами сказке «Шалтыр-Казан», где старик спрашивает девушку, которая лушит в ступе ячмень:

- Об этот ячмень сколько раз ударила?

На что девушка отвечает:

- Ты на своей лошади от своего дома, до сюда сколько раз шагнув, приехал?

(Алтайские народные сказки, 2002, с. 349).

В эпосе «Алтай-Буучай» богатырь собирается на охоту. Очень важным мотивом в этом сюжете является наказ (запрет) богатыря своей жене и сестре: 1) в его отсутствие не жарить на огне очага черную печень животного; 2) не подниматься на вершину черной горы; 3) не ходить на берег черного озера (Суразаков С.С., 1961, с. 17-18), которые служат символом беды.

После отъезда богатыря жена нарушает запрет: колет черного торбока¹ и начинает жарить на костре «черную печень». Огонь тотчас гаснет, тогда она с золовкой Алтын-Сырга поднимается на вершину черной горы, видят там круглое черное озеро и, придя на его берег, ловят двух уток. На их крыльях изменницы пишут письмо Аранаю и Чаранаю — врагам Алтай-Буучая, о том, что несметное количество скота и другое богатство осталось без хозяина. Таким образом, бедствия богатыря Алтай-Буучая начинаются с момента нарушения запрета его женой и сестрой.

Хотя запрет в этом случае носит более символический характер, по форме выражения он близок к иносказаниям, но он требует расшифровки, т. е. разгадки.

В другом варианте сказания юный сын Алтая-Буучая быстро вырастает и расправляется со всеми врагами. Вернувшись в родной дом неузнанным, он задает своей изменнице — сестре такую загадку-иносказание:

Кынырак керек пе?
Кызырак керек пе?

Что желаешь — скребок для
выделки кожи или яловую кобылицу?

Сестра отвечает:

— Кынырак берзен —
Тере уужап берерим,
Кызырак берзен —
Саайла, ачыдала, аракы аскайым .

— Если дашь скребок —
Я выделаю тебе овчину.
Если дашь яловую кобылицу —
Надою молока и сварю вино.

(Суразаков С.С., 1961, с. 23-24).

В своем ответе изменница-сестра показала свое явное незнание сути предмета загадки-иносказания: кынырак – маленький скребок, которым трудно выделывать большую овчину, а кызырак – яловая, нетельная кобылица у которой отсутствует молоко. Соответственно – маленьким скребком не выделаешь огромную овчину, от яловой кобылицы не получишь молока и не сварить молочное вино.

Из-за ее предательства и неправильного ответа на загадку, рассерженный брат привязывает сестру к хвостам пяти кобылиц и отпускает их в разные стороны. Кобылицы разрывают ее на части.

В сюжетной основе этих произведений главным условием было умение понять и расшифровать иносказание, т. е. угадать его, что породило целый комплекс совершенно

¹ Торбок – бычок по второму году.

неповторимых поэтических образных средств, которыми располагает только жанр загадки. Это — загадочные понятия, игра слов, обмен иносказательной речью, вопросы-ответы, т. е. все художественные приемы, выполняющие функцию загадки в сказках, легендах и героических сказаниях данного типа. Отсюда возникают олицетворения, аллегории, метафоры и т. д. — весь арсенал средств, исключая выражение мыслей говорящих, сталкивающихся сторон.

Следует сказать и о том, что сюжеты сказок и сказаний, достроенные на иносказательно-загадочных выражениях, сохранили, с одной стороны, отличительную сторону древней загадки, с другой стороны, они имеют общие черты с современными загадками. Говоря словами И. М. Колесницкой, такая связь загадок со сказкой: « ... дает возможность предположить, что древний по своему происхождению материал сказки отразил какую-то более древнюю ступень в жизни загадки», «... ту ступень, когда эта форма не была выкристаллизовавшимся жанром, а представляла собой нечто отличное от современной загадки» (Колесницкая И.М., 1941, с. 112).

Загадки, входящие в сюжет сказок, легенд, героических сказаний в начале представляли простую форму и выполняли функцию загадочной, тайной речи, которую было необходимо понимать и расшифровывать при определенных обстоятельствах.

Таким образом, можно констатировать, что загадки имеют прочные взаимосвязи практически со всеми жанрами устного народного творчества. Часто загадки являются основой сюжета, например, сказок, сказаний, легенд и т. д. но, с другой стороны, они могут и вычлениваться из них и начать самостоятельную жизнь.

Библиографический список

1. Алиева, Ф.А. Социально-бытовая сказка народов Дагестана : автореф. дис. ...: канд. филол. наук / Ф.А. Алиева. – Баку, 1981. – 22 с.
2. Алтай баатырлар. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд. Алт. кн. изд-ва, 1980. – Т. X. – 214 с.
3. Алтайские народные сказки. – Новосибирск: Наука, 2002. – Т. 21. – 455 с.
4. Вербицкий, В.И. Алтайские инородцы / В.И. Вербицкий. – Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1993. – изд. 2-е. – 269 с.
5. Жанузаков, Т. Загадки // История казахской литературы / Т. Жанузаков. – Алма-Ата, 1968. – Т. I. – С. 174.
6. Зеленин, Д.К. Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии // Сборник Музея антропологии и этнографии / Д.К. Зеленин. — Л., 1930. – Т. IX. – С. 8-9.
7. Колесницкая, И.М. Загадка в сказке // Ученые записки Ленинградского государственного университета / И.М. Колесницкая. – Л.: ЛГУ, 1941. – Вып. 12. – № 81. – С. 112-121.
8. Махмутов, Х.Ш. Татарские народные загадки: автореф. дис. ...: канд. филол. наук / Х.Ш. Махмутов. – Казань, 1969, 24 с.
9. Потанин, Г.Н. Очерки северо-западной Монголии / Г.Н. Потанин. – Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 2005. – Т. IV. – 1026 с.
10. Потапов, Л.П. Охотничьи поверья и обряды у алтайских турков // Журнал Культура и письменность Востока / Л.П. Потапов. – Баку, 1929. – № 5. – С. 123-149.
11. Пропп, В.Я. Фольклор и действительность / В.Я. Пропп. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1976. – 325 с.
12. Радлов, В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и дзунгарской степи / В.В. Радлов. – Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 2006. – изд. 2-е. –

496 с.

13. Суразаков, С.С. Героическое сказание о богатыре Алтай-Буучае / С.С. Суразаков. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское книжное изд-во, 1961. – 180 с.
14. Садалова, Т.М. Загадки Шуну-батыра / Т.М. Садалова. – Горно-Алтайск: ГУ кн. изд-во «Юч-Сюмер – Белуха», 2006. – 112 с.
15. Самойлович, А.Н. Женские слова у алтайских турков // Язык и литература / А.Н. Самойлович. – Л.: 1929. – Т. III. – С. 221-231.
16. Укачина, К.Е. Алтайские народные загадки / К.Е. Укачина. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд. Алт. кн. изд-ва, 1984. – 104 с.
17. Фрезер, Джеймс. Золотая ветвь / Джеймс Фрезер. – М., 1986. – 511 с.
18. Фольклорные материалы. Папка № 54(д). – Архив ГНУ «НИИ Алтаистики им. С.С. Суразакова».
19. Чичеров, В.И. Русское народное творчество / В.И. Чичеров. – М.: Изд-во МГУ, 1959. – 522 с.
20. Яимова, Н.А. Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке / Н.А. Яимова. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. – 168 с.